

ПРИЛОЖЕНИЯ

[ДВА ОТРЫВКА ИЗ «СОВРЕМЕННОГО ОБОЗРЕНИЯ»]¹

...Прежде всего заметим, что тот самый расчет, которым г. Гуфэйзенберг² хочет заменить наш расчет, дает вывод также в пользу общинного владения: по счету самого г. Гуфэйзенберга выходит, что если бы даже при частной собственности валовой доход земли возвысился на 66%, то все-таки даже и при таком огромном возвышении на долю земледельца приходилось бы гораздо менее, нежели при общинном владении. Выгода для большинства земледельцев от сохранения общинного владения все-таки значительна, — она, по выводу самого г. Гуфэйзенберга, равнялась бы 18 р. 75 к., или 19% *.

Итак, по выкладке самого г. Гуфэйзенберга, считающего общинную землю под феодальными правами, положение земледельца на общинной земле оказывается лучше, нежели на земле, отошедшей в частную собственность. Но выгода эта, по его расчету, менее, нежели по нашему, — оттого, что мы не отделяем ренты из доходов земледельца, — он упрекает нас за это и вычитает ренту.

Этот вычет нам кажется следствием того, что он не захотел вникнуть в сущность мыслей, подробно изложенных нами в преж-

---

* Кстати заметим, что расчет процентов у г. Гуфэйзенберга произведен не по тем правилам, которых держится точное вычисление. При общинном владении, по его выводу, земледельец получает 100 р.; при фермерском хозяйстве, по нашему выводу, принимаемому г. Гуфэйзенбергом, 81 р. 25 коп. Как же велик был бы выигрыш земледельца при переходе от фермерства к общинному владению? К 81 р. 25 коп. его дохода прибавилось бы еще 18 р. 75 к., — то есть $(8\ 125 : 1875 = 100 : X) = 22\frac{1}{3}\%$, а не 19%, как принимает г. Гуфэйзенберг. Он принимает за основание при вычислении возрастания суммы не основную сумму (81 р. 75 коп.), а сумму, уже увеличившуюся от прибыли. Если купец, заплатив за товар 1 000 р., продает его за 2 000 р., то надобно сказать, что он получил рубль за рубль, или 100% выгоды, а не полтину на рубль, или 50%, как следовало бы сказать по расчету г. Гуфэйзенберга.

них статьях и кратко повторенных в настоящей. Именно потому мы и предпочитаем общинное владение, что оно единственная форма, при которой рента остается в руках земледельца, между тем как при частной собственности она непременно отделяется на большей части территории от доходов земледельца. При частной собственности почти вся земля сосредоточивается в руках меньшинства, перестающего быть земледельцами и живущего исключительно рентою, — при общинном владении ею пользуются сами земледельцы. Это именно и составляет сущность нашей мысли. Но как общинная, так и частная земля может находиться в двух юридических положениях: та и другая равно может подлежать феодальной зависимости или быть чиста от нее. Само собою разумеется, что мы в читателях наших не предполагали приверженцев феодального устройства, — и мы искренне уважаем г. Гуфэйзенберга за то, что он прямо объявляет себя против него. Мы надеемся, он согласится, что сравнивать надобно вещи однородные, частную землю, чистую от феодальных прав, с общинною землею, также чистою от феодальных прав; мы так и сделали. Будем говорить, например, о Франции. Там поземельная собственность некогда подлежала феодальным правам; там и здесь она очистилась от них; там и здесь на большей части территории рента не принадлежит земледельцу, потому что по действию принципов частной собственности она постоянно сосредоточивается и выходит из землевладельца. При общинном владении этого не бывает. И земля, находящаяся в нем, может подлежать феодальному устройству, как подлежала ему в Европе частная собственность; но очистившись от этих отношений, земля общинного владения уже навсегда остается в руках земледельцев, которые навеки пользуются и рентою с нее. Потому напрасно г. Гуфэйзенберг вводит в свой счет феодальные права, — именно на том и основано наше мнение, что мы предполагаем землю очистившеюся от них. Мы не забываем о них, — напротив, мы говорили со всею ясностью, к какой только способен наш язык³, что прежде всего предполагаем ликвидацию⁴. Мы говорим о том, какое состояние земли после ликвидации феодализма (разумеется, в Западной Европе) было бы лучше для земледельцев — государственная собственность с общинным владением или частная собственность.

Потому напрасно г. Гуфэйзенберг переделывает наш расчет: прежде ему нужно было бы досказать, что после ликвидации феодальных отношений рента может выйти при общинном владении государственною поземельною собственностью из рук земледельцев.

Мы полагаем, что г. Гуфэйзенберг одинаково с нами отвергает феодальное устройство средних веков. Напрасно же он в свой расчет вводит вычеты, которыми предполагается феодализм. Мы много раз и очень сильно говорили о том, что всякую

форму владения землею без феодализма надобно предпочитать какой угодной форме владения при феодализме.

Мы готовы пояснить это одним из тех примеров, которые уже столько раз были приводимы в наших прежних статьях.

Сущность феодализма состоит с экономической точки зрения в том, что феодал представляется отдавшим вассалу в постоянное пользование известный предмет, материальный или не материальный (жизнь, право торговли, землю, ремесло и т. д.), и за это получает с него чистый доход от этого предмета. Например, в городе Блуа был мост, а в городе Суассоне плотина, находившиеся в феодальном отношении. Горожане Блуа и Суассона ходили, одни через свой мост, другие через свою плотину; феодал считался отдающим этот мост или эту плотину в пользование каждого проходящего, и потому при каждом проходе платилась известная сумма (réage) за проход. Теперь эти сборы отменены, отчасти с выкупом, отчасти без выкупа, и жители проходят через Блуасский мост и Суассонскую плотину, не давая за то никакого сбора *.

Это мы говорим, чтобы выставить разницу между предметом подлежащим и предметом, не подлежащим феодализму. Г. Гүфэйзенберг согласится, что таково же было во Франции и отношение земли. Теперь другой пример, чтобы показать разницу между направлением ренты при частной собственности и общественном владении по очищении предмета от феодализма.

Близ Орлеана ** лежит озеро Ришфон с рыбными ловлями. На озере стоит деревня Бюзак, жители которой с незапамятных времен живут рыболовством. До XVII века озеро находилось в феодальных отношениях к барону Сен-Бюзаку, и он (по феодальной гипотезе, что уступает озеро в пользование жителям села Бюзака) брал с каждого домохозяина или деньгами по два турнейских ливра (принимая в соображение тогдашнюю ценность денег, около 80 франков нынешних), или натурою, по 200 авуар-дю-пуасских фунтов (около 6 пудов) рыбы в год, или повинностью — улов рыбы в продолжение 104 дней в году. В 1525 году король Франциск I, сюзерен барона Сен-Бюзака, проезжая через Орлеан, был тронут просьбами бюзакцев и приказал Сен-Бюзаку отдать бюзакцам озеро Ришфон за 3,532 ливра и 8 су турнейских (около 140 000 франков). Такой суммы бедствовавшие бюзакцы не могли взнести вдруг, — платеж рассрочен был на 30 лет. Теперь пришлось бюзакцам думать, как им быть с своим озером. Они, отвыкшие от принципов общественного владения, разделили между собою берега озера на 150 участков, по числу семей, и каждый получил исключительное право ловить рыбу у своего берега.

* Смотри Гизо «Histoire de la civilisation en France», лекция XXXV.

** Смотри там же, лекция XXXVIII.

Мы приводили ничтожный этот пример потому, что, по счастью, имеем в «Description de la ville d'Orléans» (Orléans, 1611, in 8-го) статистические сведения о Ришфоне и бюзакцах около 1595 года, через 70 лет после очищения озера от феодальных прав. Число домов в Бюзаке оставалось почти прежнее — 175, но три четверти берегов озера принадлежали уж только пяти семьям; еще 12 семей имели порядочные участки берега; все остальные жители нанимали право ловли у берегов, принадлежавших пяти семьям. Ныне озеро Ришфон принадлежит одному владельцу — имя его Флогерг (см. «Statistique de la France» Territoire).

Флогерг получает от озера 40 000 франков дохода. Бюзакцы (теперь в их селе считается 210 домов) попрежнему занимаются рыбною ловлею на своем озере; но ловят они ее [рыбу] для г. Флогерга.

Спросим теперь г. Гуфэйзенберга, могло ли бы озеро Ришфон с 40 000 франков дохода перейти в руки одного г. Флогерга, если бы бюзакцы в 1525 году оставили озеро в общинном владении целого села? Нет, этого не было бы. Этот доход до сих пор оставался бы в руках бюзакцев.

Потому-то, если мы сравниваем общинное владение с частною собственностью, и нельзя вычитать ренты из дохода общинников, — мы предполагаем, что надобно сравнивать землю, чистую от феодализма, с землею, также чистою от феодализма. Нам кажется поэтому, что расчет г. Гуфэйзенберга неверен, а наш остается совершенно верным.

Г. Гуфэйзенберг, конечно, извинит нас за то, что мы поднимаем архивную пыль для пояснения наших мыслей: он, конечно, заметит, что ссылки на старинные французские летописи были нам необходимы, — без этой необходимости мы, разумеется, и не прибегли бы к ним⁵.

Нам показалось несколько странно, что он и другие нападающие на нашу мысль о преимуществах государственной собственности с общинным владением основывают свои возражения на такой форме общинного владения, устранение которой полагается нами первейшею потребностью государственной жизни. Мы говорим о государственной собственности с общинным владением, они говорят против общинного владения на частной собственности. Мы защищаем ренту земледельца против всяких форм, имеющих своим основанием или следствием отделение ренты от доходов земледельца, они полагают, что возражают против нас, доказывая, что земледелец мало выиграет, если с общинным владением не будет соединено предоставление ренты земледельцу, — боже мой, да мы совершенно уверены в этом, и все наше мнение возникает единственно из желания предоставить земледельцу ренту.

Мы нимало не огорчаемся таким несправедливым возражением со стороны г. Гуфэйзенберга и других спорящих против нас: тут мы видим дело очень обыкновенное в спорах: возражения против какой-нибудь мысли чрезвычайно часто основываются на том, что возражающий предполагает своего противника говорящим вовсе не то, что действительно говорит этот человек. Есть и другая причина, по которой мы остаемся совершенно холодны к возражениям против общинного владения: мы видим, что если бы вопрос, нами поднятый, состоял единственно в наследственности или не наследственности поземельных участков, как псевдорачивают его противники общинного владения, то противники эти уже в настоящее [время] были бы совершенно опровергнуты фактами жизни, сохраняющими общинное владение на всем том пространстве территории, которое было в нем. Но глубоко печалит нас то, что между защитниками общинного владения есть люди, не замечающие разницы между этими фактами, признающими общинное владение и основания, на которых должно утверждаться общинное владение в новой истории. Мы слышали даже поздравления будто бы торжеству принимаемой нами системы, на основании этих фактов, — и эти поздравления были для нас тем прискорбнее, чем искреннее были. От противников общинного владения переходя к тем защитникам его, которые забывают вопрос о ренте и выражение «государственная собственность», мы должны вновь изложить свое мнение для ограждения его с другой стороны, с которой оно теперь единственно и подвержено опасности. Противники слова «общинное владение» теперь уже вовсе не страшны ему; но губительны для защищаемого нами дела могут быть такие приверженцы общинного владения, которые оставляют в своей теории слово без реального смысла, которые хотят в практике оставить под новым именем средневековые факты.

Оградить против них истинный смысл принимаемого нами мнения мы постараемся точно тем же способом, который послужил нам для объяснения наших желаний г. Гуфэйзенбергу и людям, разделяющим его взгляд на сельский быт. Мы прибегнем к сухим ученым доказательствам, заимствованным из старинных летописей Западной Европы.

В «*Annales de Nivernois*» мы находим под 1463 годом следующее место: «Призрел всемилостивый бог на молитвы верующих своих и послал им избавителя, благочестивого короля Людовика, заступлением всеславной матери своей, чистейшей девы Марии и всех святых своих. И пришла грамота благочестивого короля, возлюбленного богом и людьми (*de Dieu et des hommes bien aime*). И по грамоте этой дано было жителями деревень Бле (*Bleulx*), Сенакура (*Sesnacourt*) и Больё (*Beaulieux*) высокопородному монсеньёру графу Ивраку (*Jevrac*) 2000 ливров турнейских за десятый сбор (*la disme*), и поголовный сбор (*la*

taille), и подневную повинность (la corvée), и другие сеньориальные обычаи (usages de seigneur) над вышесказанными землями и жителями. И разделили между собою сказанные жители сказанные земли по домам и дворам в наследство, а прежде того каждому новоженевшемуся (au chascun le nouveau marié) давалась часть сказанной земли от его милости высокородного графа и по смерти сказанного новоженевшегося бралась у вдовы его и давалась другому новоженевшемуся. А ныне разделились эти земли, как объявила им сказанная грамота могущественного короля, по домам и родам сказанных деревень Бле, Сенакура и Больё, на веки веков, и возрадовались сказанные жители великим восхищением (d'un supresme extase s'enjouèrent lesdits villageois) и восхваляли подателя всех благ бога всемогущего и пресвятую его мать и благосердного господина короля нашего Людовика (nostre maistre roy Louis de bon coeur)»*.

Из этого мы видим, что до 1463 года в деревнях Бле, Сенакуре и Больё существовало общинное владение землею и существовал феодализм; в 1463 году феодальные отношения были отменены, и вместе с тем, по грамоте Людовика XI, уничтожилось общинное владение и земли, находившиеся до сих [пор] в феодальном пользовании жителей Бле, Сенакура и Больё, обратились в их наследственную [собственную]. Жители эти были в великом восхищении, которое, как видно, овладело и монахом-летописцем при виде такого счастья.

Неужели защитники общинного владения могут сказать, что жители Бле, Сенакура и Больё радовались напрасно? Нет, мы далеки от такой мысли. Тяжесть феодализма, как видно по восторгу жителей, была так велика, что ею совершенно уничтожались выгоды общинного владения, и сенакурцы могли по всей справедливости восхищаться, когда от[п]латились от этой тягости. Г. Гуфэйзенберг и другие наши противники, конечно, скажут, что считали бы себя недостойными жить в XIX веке, если бы [не] разделяли восторга, который был понятен даже наивному летописцу XV века, — и в этом случае мы совершенно согласны с ними, потому что рента, прежде 1463 года отделявшаяся от доходов жителей Бле, Сенакура и Больё, теперь присоединилась к этим доходам.

И вот, что нам чрезвычайно горько, что находятся люди, которые не замечают, что при феодализме, существовавшем в средние века в Западной Европе, никуда не годилось и общинное владение, там существовавшее, как никуда не годилось никакое из тогдашних учреждений, как скоро искажалось феодальным соприкосновением. При феодализме не существовало ничего столь драгоценного, чтобы им нельзя было с радостью пожертво-

* «Histoire de la France», par Henri Martin, vol. XII, pièces justificatives, № XXIII.

вать для избавления от феодализма. Если бы г. Гуфэйзенберг доказал нам, что без феодализма не может существовать общинное владение, мы обеими руками выдали бы не только общинное владение, но и все, что только угодно. Факт, приведенный нами из «Annales de Nivernois», достаточно объясняет наше мнение об этом, — наивный монах-летописец пишет совершенно так, как написали бы мы на его месте.

Нам кажется, что приведенными из французских летописей фактами достаточно пояснена сущность нашего мнения. «Эти факты вздор», — скажет иной читатель. Наша цель была вовсе не та, чтобы знакомить читателя с мелочными событиями французской истории, — мы хотели только изложить свое мнение.

Итак, мы говорим, что если с общинным владением не соединена принадлежность ренты к доходам того, кто пользуется участком земли по общинному принципу, принцип этот извращается, и мы, защищая его, непременно условием его благотворности ставили очищение его от таких искажений.

Словом сказать, если бы существовал выбор только между двумя формами быта: 1) общинным владением на частной собственности с отделением ренты от доходов земледельца и 2) принадлежностью ренты земледельцу по праву частной собственности, мы были бы совершенно согласны с противниками общинного владения в предпочтении второй формы. Мы думаем, что г. Гуфэйзенберг защищает эту вторую форму, несправедливо полагая, что мы согласились бы на первую, — если он действительно защищает вторую форму, мы ценим его мнение гораздо выше мнений тех, которые желают первой формы и против которых направлена вся наша настоящая статья.

Но мы находим, что есть третья форма обладания землею: государственная собственность с общинным владением, причем рента остается в руках земледельца. Вот эту именно форму мы защищаем на том основании, что цель наших желаний — соединение ренты с доходами земледельца — навсегда ограждается этою формою; незыблемо, навеки, между тем как предоставление очищенной от феодализма земли в частную собственность даст ему ренту только на срок более или менее непродолжительный, — и действием принципов, управляющих движением частной собственности, рента непременно уходит из рук земледельца, которому предоставлена была вначале. Людей, думающих справедливо, мы видим только в тех защитниках общинного владения, которые защищают его с целью предоставить ренту земледельцу.

Для разрешения сомнений о принадлежности ренты земледельцу при государственной поземельной собственности с общинным владением следует нам сделать одно замечание, которого, признаемся, мы сначала не считали нужным, полагая пред-

мет, к которому должно относиться это замечание, ясным для каждого и без всяких рассуждений. В первых наших статьях мы ничего не упоминали о подати, взимаемой с государственных земель. Странные мнения об этом деле заставили нас сказать несколько слов о нем в нашей последней статье («Современник», 1857, ноябрь), и, излагая теперь в общем перечне наши убеждения, подробно высказанные прежде, мы должны повторить те слова.

С земель, своих земель, отдаваемых в общинное владение, государство берет подати. По странному недоразумению, эта подать представляется иным тождественною с рентою. Повод к такой ошибке дается тем, что от подобной подати освобождены некоторые земли, находящиеся в частной собственности.

Наши объяснения будут относиться к Франции и Германии. В этих странах терр[итория] разделялась на две части: одна, бывшая в собственности у простолюдинов, несла поземельный налог; другая, принадлежавшая лицам привилегированных классов, не несла никакого поземельного налога. Ясно основание этого различия: оно не в форме обладания, потому что форма обладания была совершенно одинакова для обеих частей, — та и другая равно были в полной частной собственности и нимало не были собственностью государства; основание различия было то, что собственники принадлежали к различным сословиям, — одни пользовались привилегиями, другие не пользовались. Когда же привилегии были отменены, поземельной подати равно подвергались все земли.

Последний принцип признается юриспруденциею и политическою экономиею за единственный справедливый принцип в деле податей. Какова бы ни была форма владения — частная ли собственность или общинное владение, — земля должна подлежать одинако[во]му налогу.

Теперь, возможно ли смешивать государственный поземельный налог с рентою? Каждый, имеющий хотя малейшие сведения в юриспруденции и политической экономии, скажет, что это вещи столь же различные, как, например, государственный налог на дом и плата за квартиру в этом доме, как государственный налог на свеклосахарный завод и плата, отдаваемая арендатором этого завода его владельцу. Смешивать такие понятия может только человек, совершенно незнакомый с первыми основаниями юриспруденции и политической экономии.

Мало даже и того, чтобы совершенно не иметь понятия об этих науках, — нужно также быть совершенно невнимательным к фактам, которые под глазами у каждого, — только тогда можно смешать поземельный налог с рентою. Во-первых, эти уплаты совершенно различны по своей величине. Поземельный налог всегда в пять, в шесть, часто в десять, в пятнадцать раз меньше ренты. В какой-нибудь области владетель государственной

[земли] платит по 2 рубля в год за эту землю, а если бы он вздумал в том же округе нанять такое же количество такой же земли, он заплатил бы 15 или 20, а может быть, даже 30 рублей. Во-вторых, известно, что сверх населенных земель, которые не отдаются в аренду, существуют ненаселенные государственные земли, которые отдаются в аренду, — это одно уже могло бы фактически показать каждому, что рента и поземельный налог совершенно различные вещи.

Мы полагали, что эти факты не могут не припомниться сами собою каждому; мы полагали также, что люди, защищающие или отвергающие общинное владение, должны иметь хотя некоторые сведения в политической экономии и юриспруденции, потому мы сначала и не считали нужными этих замечаний; но странные мысли, встреченные нами у некоторых как из числа защитников, так и из числа противников общинного владения, показали нам необходимость объяснить предмет, который, повидимому, не нуждался бы в наших объяснениях.

Мы хотели посвятить большую часть этого обозрения обзору новостей в жизни Западной Европы, но теперь видим, что рассуждения об общинном владении надолго завлекли нас во Францию и Германию. Хотя и не современной, а прошедшей жизни этих народов мы касались, но все равно, довольно много уже говорили мы о делах заграничных, и пора нам приняться за отчет о наших. Потому не будем мы рассказывать ни об Ост-Индском вопросе⁶, ни о землетрясении в Неаполитанском королевстве⁷, ни о знаменитом процессе Жёфос и Гильйо⁸, ни о десятках других дел и событий, более или менее интересовавших Европу в последнее время, — из всей этой огромной массы фактов упомянем только о двух, — о некоторых следствиях коммерческого кризиса⁹, который наделал столько бед в Америке и Западной Европе, и о споре между английскими газетами по поводу распоряжений французского правительства, косвенным образом возобновившего торговлю неграми. Да и об этих предметах мы упомянем только самым кратким образом.

Известно, что когда было отменено невольничество, сначала в английских, потом и во французских колониях, там и здесь плантаторы одинаково жаловались на леность черных, которые будто бы не хотят наниматься работать и предпочитают проводить время в праздности; от этой лености, от недостатка рабочих рук, говорили плантаторы, сахарные и хлопчатобумажные плантации пришли в упадок, многие земли остались невозделанными, количество производимого колониями сахара и других продуктов уменьшилось.

Здравый смысл должен был бы, повидимому, подсказать доверчивым слушателям этих жалоб в Западной Европе, что никакая леность не устоит против приманки денег, что нет такого

ленивца, который не стал бы работать очень усердно, как скоро предлагается ему за труд приличное вознаграждение, и что, каковы бы ни были черные, все-таки они одарены желаниями, — ну, хоть бы выпить лишнюю чарку рисовой водки или лишний флакон рома, а даже одного этого желания уже достаточно, чтобы труд за хорошие деньги был ими предпочтен праздности без денег, — не говорим уже о том, что у черных надобно же предполагать и другие потребности, — например, желание принарядиться, нарядить жену и дочерей, желание иметь удобное помещение и т. д., — все эти потребности должны бы служить достаточным побуждением для них не отказываться от работы, если даже и думать, что они не имеют ни скопидомства, ни расчетливости, ни даже любви к деньгам, которой, кажется, не лишено ни одно племя в мире. Эти очень простые соображения не приходят в голову европейцам, слушавшим жалобы плантаторов на лень черных, и вот, наконец, в прошедшем году французское правительство вздумало разрешить привоз черных из Африки на работу во французских колониях, не поверив тому, что черные, населяющие эти колонии, в самом деле не хотят трудиться. Читателям известно, что английские газеты очень сильно восстали против этого распоряжения, восстанавливавшего торговлю черными людьми, хоть продажа и покупка прикрыта была именем добровольного контракта. Для нас интересен не ход этого дела, которое может идти как ему угодно, нимало не касаясь нас, — какое нам дело до французских колоний? — нас интересуют только факты, сообщенные по поводу этих споров английскою газетою «Daily News»; интересны кажутся они нам в психологическом отношении, потому что ими устраняется нелепость, которой привыкли было мы верить, приняв без критики односторонние показания вест-индских колонизаторов. Дело оказывается очень простым: черные, избавленные от прежних стеснений в вест-индских колониях, вовсе не составляют странного противоречия всему человеческому роду, как уверяли нас колонисты. Эти люди, точно так же, как и все люди всех племен и сословий в мире, готовы трудиться как нельзя усерднее, лишь бы только труд их вознаграждался надлежащим образом, и если некоторые плантации в Вест-Индии остаются невозделанными, так это вовсе не потому, чтобы черные не хотели трудиться, а потому только, что колонисты, привыкшие пользоваться даровым трудом, не хотят давать порядочной платы. Вот что говорит «Daily News»:

«Напрасно вест-индские плантаторы жалуются на лень освобожденных негров и на разорение своих плантаций, — несправедливость этих сетований можно доказать статистическими фактами. Обороты отпускной и привозной торговли английских вест-индских колоний возрастают с каждым годом и свидетельствуют о чрезвычайно высоком благосостоянии плантаций, столь

плачевно жалующихся на свой упадок. Каким образом можно там жаловаться на недостаток рабочих рук, мы также решительно не понимаем, потому что тысячи этих негров, упрекаемых в лени, ежегодно переселяются на Панаму, где — разумеется, за приличную плату — усердно занимаются самыми тяжелыми работами и где никогда никто не жаловался на их лень. Плантаторы не хотят давать им порядочной платы — вот в чем вся разгадка дела. Эта порода неисправима. Они взяли 20 миллионов фунтов стерлингов вознаграждения от государства, а потом и принимаются горевать, что не получают работу задаром, как прежде, а должны нанимать работников. Им, видите ли, кажется, что наемная плата слишком убыточна для них, они все хлопочут о том, как бы понизить ее, а она и теперь так мала, что не вознаграждает труда. Да, единственная причина, по которой черные в Вест-Индии неохотно работают на плантациях, то, что плантаторы дают страшно низкую плату, а между тем подати, лежащие на черных, тяжелы. Плата за рабочий день на сахарных плантациях в Сен-Киттсе, Невисе, Монферрате, Доминике — от 16 до 24 коп. серебром, между тем как в тех же самых местах в городе поденщик получает от 40 до 50 коп. серебром. Какая же охота черному работать на плантации? С тем вместе статистика показывает, что в колониях, где плата выше других мест, и производство идет успешнее, — например, в Британской Гвиане и на Ямайке. Но большинство плантаторов остается глухо и слепо к указаниям опыта на условия своей собственной выгоды. Они не хотят платить за труд, вот и все. Да, надобно еще прибавить, что они любят разыгрывать роль магнатов, ничем не заниматься и ни о чем не думать. Это, конечно, неудобно при таком положении, в котором плантацию надобно вести не спустя рукава, как прежде, а заботливо и расчетливо. Прибавим также, что им очень приятно было прежнее самовластие. Вот из этих-то источников и возникают их жалобы».

Таким образом, психологическая несообразность, придуманная близоруким своекорыстием, наконец обличена статистическими фактами, и остается теперь только удивиться тому, что Западная Европа могла так долго верить этой несообразности. Нашлись будто бы, видите ли, на земном шаре люди, которые не хотят работать за деньги! Кто же такие эти люди? Вероятно, какие-нибудь миллионеры, до пресыщения пользующиеся всеми житейскими благами без всякого труда? — Нет, это бедняки негры. Что за диво! Остается только руками всплеснуть от изумления. А на деле оказывается, что эти негры готовы работать самым усердным образом там, где дают им плату, вознаграждающую труд, и не слишком охотно берутся за работу на сахарных плантациях только потому, что тут не дают им порядочной платы, — какие негодные люди, подумаешь! Мало того, что они,

хорошо работая за хорошую плату, плохо работают за плохую плату, — они еще уходят с плантаций в города, где плата выше, — многие даже уходят в другие области отыскивать себе более выгодной платы, и там работают не жалея сил, — а между тем в местах, из которых ушли они, плантации остаются (будто бы) невозделанными. Какой ужас! Человек не хочет жертвовать для вашей выгоды своим временем в убыток себе! Этот человек ужасен! Тут поневоле припомнишь изречение одного старинного путешественника об оранг-утанге: «Сие животное столь свирепо, что защищается, когда его хотят убить!..» — Сии люди столь ленивы, что хотят работать за хорошую плату.

Нас иногда упрекали в том, что мы не безотчетно и не безусловно принимаем все мысли экономистов старой французской школы. Что делать, наука движется вперед, и теперь оказываются не совсем основательными многие из мнений, которые казались, например, Жан-Батисту Сэ бесспорными единственно потому, что он не имел времени или материалов, чтобы надлежащим образом исследовать вопрос. Но во многих случаях истинные решения были отысканы еще экономистами старой школы, и в таких делах мы совершенно разделяем тот образ мыслей, которого держались они. Нам хочется доказать людям, говорящим, будто мы отвергаем, например, все мысли какого-нибудь Сэ от первой до последней, что мы умеем соглашаться с ним в тех вещах, в которых он прав; нам хочется даже показать — читатель извинит самолюбие наше, мы откровенно [признаемся], что это слабость и за такое признание заслуживаем снисходительности — нам хочется даже показать нашим зоилам, что мы умеем рассуждать в духе старой школы ничуть не хуже, нежели рассуждают они, наши зоилы. Этот опыт мы, по правилу медицины и хирургии, произведем на «существах низкого рода», *in anima vili*, — на ост-индских плантаторах, которые удалены от нас на целый диаметр земного шара и, стало быть, не могут быть для нас особенно драгоценны[ми].

Положим, что их плантации запустели. Почему? Потому, что наемная плата на них очень низка. Что же тут особенно дурного для экономиста? Он очень рассудительно будет отвечать следующим рассуждением на все их жалобы:

Производство сахара по наемной цене, которая могла бы привлечь работников, для вас невыгодна: цена сахара не окупала бы расходов на производство. Из этого следует, что ваш сахар производился в противность экономическому расчету, а такое производство разорительно для страны. Работники, не находя у вас выгодной работы, займутся ремеслами и другими промыслами. Производство сахара уменьшится. Результатом этого возвышения будет возвышение цены на сахар. Когда цена его возвысится, вы будете в состоянии платить хорошее вознаграждение

работникам, и они придут к вам, и ваши сахарные плантации снова процветут. И не думайте, что этим вы только возвратитесь к прежнему вашему благосостоянию, — нет, новое будет для вас лучше прежнего. Прежде вы производили сахар невыгодным для страны образом, то есть истощали страну вашим производством, каждый шиллинг получаемого вами дохода извлекается из потери десяти, двадцати шиллингов вашею страной. Разорением страны уменьшается потребление, уменьшается запрос, — сахару требовалось гораздо менее того, нежели сколько могли бы производить вы, и с каждым годом становясь по вашей милости более и более бедною, страна ваша с каждым годом более и более вовлекала вас в общее разорение, виновником которого было ваше близорукое своекорыстие, по которому вы упорно держались ненатуральных, противных человеческой природе и здравому смыслу способов производства. Теперь не то: вы производите сахар, давая хорошую плату вашим работникам, — это значит, вы производите его способом, который один признается в науке выгодным для страны. Труд на вас теперь не разоряет ваших работников, напротив, поддерживает их в благосостоянии, делает их даже год от году зажиточнее. С каждым годом страна богатеет, запрос на все товары, в том числе и на сахар, увеличивается, — с каждым годом ваше производство расширяется в объеме и вместе становится более выгодным для вас. Вы жалеете о прежнем состоянии, — но вспомните, что вы были кругом все в неоплатных долгах, все ваши плантации были заложены и перезаложены — какое же тут благосостояние? Ничто не могло быть хуже вашего прежнего состояния. Теперь будет не то: вы увидите, что когда производство сахара на ваших плантациях установится по способу здоровой политической экономии, вы будете гораздо благосостоятельнее, нежели были прежде.

Мы уверены, что ни один экономист старой школы не найдет в этом рассуждении ни одного сомнительного слова, — оно покажется ему непреложно, как изречения самого Сэ или Бастиа. Что касается до последователей новой школы¹⁰, за их согласие на эту тираду мы ручаемся. Таким образом, все знающие люди всех школ и партий соединяются в единодушном отвержении нелепых жалоб, о которых мы говорили. Удивительно, каким образом Западная Европа могла слушать эти пустые жалобы без смеха и негодования. Такое странное внимание к голосу близорукое своекорыстие объясняется только разве тем, что белые привыкли полагаться на слова белых.

Кстати, о привычке. Привычка — великое дело, как всем известно. О ком привыкли говорить, что он хорош, каждый поступок того большая часть людей готова хвалить без всякого разбора; о ком привыкли думать, что он дурен, того каждый поступок готовы считать дурным также без всякого разбора. Это

мы говорим к тому, что хотим привести здесь отрывок любопытного письма, на-днях полученного нами из Царства Польского.

Австрийское правительство, как известно, издавна не пользуется особенною популярностью: Западная Европа привыкла отыскивать во всех его распоряжениях преимущественно дурные стороны и коварные намерения. Такова была участь и тех мер, которые оно приняло для отстранения последних остатков феодализма в поземельных отношениях своих разнородных провинций. К нам особенно близка Галиция: она более всех других провинций Австрийской империи интересует нас по единоплеменности своего населения с двадцатью миллионами наших польских и малорусских сограждан. До сих пор почти исключительно слышали мы, что Галиция сильно пострадала вследствие отмены феодальных отношений; мы безусловно верили жалобам, которые доходили до нас; мы верили, что доходы землевладельцев в Галиции уменьшились, что поземельные владения упали в цене и проч. Нам очень приятно теперь сообщить мнение человека, смотрящего на дело беспристрастно и находящего, что в слухах, которым мы привыкли доверять, гораздо менее основательности, нежели у нас думали. Письмо, полученное нами, заключает обозрение современной польской литературы; мы надеемся вполне представить его читателям в следующей книжке «Современника»¹¹, а здесь приведем только страницы, имеющие отношение к делу, ныне занимающему нас. Сказав, что на польском языке мало выходит сочинений по политической экономии, автор продолжает:

II

...никому на Руси нет надобности ни писать, ни читать. Дурно делает тот, кто начинает писать без строго обдуманного плана. Так, мы сами теперь видим это и, чтобы исправить свою вину, погружаем свое внимание в кипу наших журналов за прошлый месяц. В них мы заметили очень интересные статьи Гакстгаузена (в №№ 22 и 23 «Русского вестника») об освобождении крестьян в Австрии и Пруссии и довольно любопытную статью г. Рыжова о Штейне (№№ 11 и 12 «Отечественных записок»), но знакомить публику с этими статьями нет надобности, потому что они помещены в журналах, очень распространенных между публикою, и мы находим более полезным обратить свое внимание на № 4 «Русской беседы» за прошлый год. Если бы мы не боялись, что уже успели довольно надоесть на этот раз толками об общинном владении, мы прежде всего стали бы говорить об очень дельной статье г. Кошелева по этому предмету; но читателю, вероятно, хочется уже услышать о чем-нибудь, кроме этого дела, и мы переходим к другим статьям «Русской беседы».

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Выпуск первый. Сочинение *А. Зернина*. (Из читанного в специальном курсе истории в императорском Харьковском университете в 1858 году.) Харьков. В университетской типографии. 1858. Печатано по определению Совета императорского Харьковского университета¹.

Сочинение под выписанным нами заглавием разбирается нами по следующим причинам: 1) Оно включает в себе специальные исторические лекции, читанные в одном из русских университетов, и напечатано на казенный счет, по определению совета университета. 2) Византийские писатели недоступны для большинства читателей, а их язык, и в грамматическом и в риторическом отношениях, представляет немаловажные затруднения и для тех, кто долго и много упражнялся в его изучении. А потому и не удивительно, что любознательный читатель, прочитавши предварительно весь заглавный лист, поддастся увлечению, примет многое на веру и усвоит себе ложные понятия об одной из важных эпох византийской истории. 3) Это сочинение составляет только первый выпуск, за которым может следовать ряд подобных же выпусков. 4) Г. Зернин уже не в первый раз является печатно пред публикой с своей странною манерой в обработке истории*. Мы молчали долго, ожидая естественного усовершенствования, собственного убеждения. Мы ждали напрасно и теперь почти уверены, что напрасно и будем ждать. Пора указать читателям на характер исторических работ г. Зернина.

В начале своего предисловия г. Зернин делает длинную выписку из статьи г. Куника, помещенной в «Ученых записках императорской Академии наук» по 1 и 3 отд., т. III, выписку, которая, по нашему мнению, не ведет ни к чему в настоящем случае и не имеет ни малейшего отношения к тому направлению занятий византийскими источниками, какое, по непонятным для нас соображениям, избрал для себя наш автор. А почетный академик в своей статье основательно объясняет, в чем должны состоять в настоящее время ученые занятия византийскими источниками, распределяя эти занятия на 8 категорий. Несоответствие труда г. Зернина программе г. Куника само по себе, разумеется, не имеет важности, и мы вовсе не намерены нападать

---

* Приведем для примера одну, недавно напечатанную его статью «о самозванцах» («Библиотека для чтения», январь, 1858), в которой круглым счетом оказывается на 64 страницы 9 страниц, принадлежащих автору (собственно 8^{1/4}); все же остальное приходится на выписки из истории г. Соловьева и на перевод из сочинений *Мериме*.

на свободу г. Зернина в выборе направления занятий византийскою историею, но все-таки остается нерешенным вопрос: для чего приведена длинная выписка из статьи г. Куника. Если автору непременно хотелось, чтобы его предисловие занимало именно пять страниц, а не две с половиною, то мы, конечно, ничего не можем сказать против такого невинного желания.

«Отдавая должную справедливость, — говорит г. Зернин, — заключениям почтенного академика, полагаю, не без пользы будет, если мы употребим в дело те средства, которые *теперь пока* заключаются в так называемом «Corpus scriptorum historiae Byzantinae» (стр. 6). Неужели *теперь пока* только в этом сборнике заключаются все средства для изучения византизма? Неужели Corpus scriptorum etc. — предел, внутри которого только и могут вращаться все исследования по византийской истории? С другой стороны, неужели мы должны указывать г. Зернину на совокупность тех исторических материалов, из которых воспроизводится эпоха, восстанавливается организм народной жизни? Полагаем, что такие указания совершенно излишни, тем более, что в той самой статье г. Куника, из которой сделал выписку г. Зернин, указано и на предшествовавшие занятия византийскою историею, на иностранные источники и на церковно-славянские переводы византийских летописей и хронографов. Впрочем, мы увидим ниже, как пользовался г. Зернин и боннским сборником, который признал своим единственным источником. Мы, пожалуй, были бы готовы согласиться, что на основании всех материалов, напечатанных в боннском издании, можно себе *составить довольно определенную идею о византизме вообще*; но никак не можем допустить, чтобы можно было извлечь такую же идею из очерка «жизни и литературных трудов Константина Багрянородного». С этим, думаем, согласится всякий, кто только примет на себя труд ознакомиться с этим, поистине нехитрым, очерком.

«Главным источником, — продолжает г. Зернин в своем предисловии, — кроме сочинений Багрянородного, были для меня византийские летописи, известные под общим названием *продолженного* (то есть продолжателей) *Феофана*» *. Здесь ошибка: нужно было, соблюдая справедливость, написать не *главным*, а *почти единственным* (со включением нескольких страниц из истории Кедрина и из двух сочинений Багрянородного), в чем мы тотчас можем убедить читателя, обратив его внимание только на ссылки по всему пространству сочинения, заключающего в себе 109 страниц. Выписки дословные, буквальные из Феофанова продолжателя начинаются с 370 стр. (боннск. изд., 1838) и идут до 469 стр.; следовательно, всего извлечено почти (не счи-

* Martini Hankii. De Byzantinarum rerum scriptoribus. Lipsiae, 1677, pag. 469.

тая выпусков) 99 страниц. На долю Кедрина приходится 6 ссылок *; всего выписано из Кедрина около 14 стр. На сочинения Константина Багрянородного приходится 3 ссылки **; всего извлечено из последних около 11 стр. Итак, всех выписок приблизительно около 124 страниц печати боннского издания. Излишек 15-ти страниц против числа страниц сочинения г. Зернина (109) легко объясняется различием самой печати и сокращениями, которые оказались нужными по разным уважительным причинам.

«Неизвестные технические названия я счел нужным печатать курсивом, приложив в конце указатель их с более или менее (?) обстоятельными объяснениями, составленными на основании сочинений Георгия Кодина, глоссариев Дюканжа — греческого и латинского, равно комментариев Рейске и других известных знатоков византийской литературы» (стр. 9). Не правда ли, прочитавши эти строки, вы ожидаете ученых, подробных и самостоятельно обработанных комментариев? Между тем, обращаясь к 9-ти страницам этих ученых объяснений ***, вы тотчас открываете, что автор целиком выписал их из лексиконов Дюканжа, из обширных и действительно обстоятельных комментариев Рейске и из сочинения Кодина «De officiis» (15 раз ссылается он на Дюканжа, 7 — на комментарии Рейске и 7 — на сочинение Кодина). Где же, спросите вы, разумеется, другие известные знатоки византийской литературы, послужившие будто бы источником для объяснений г. Зернина? Их нет и следов... Извините, есть одно указание на сочинение Ганкия, которое профессор приводит, объясняя, почему Константин называется *Багрянородным*. Две выдержки из Алексиады Анны Комнены, приведенные для той же цели, и имена Леунклавия, Гешелия и Гоара, а равно и комментаторов Гиеронима Вольфа, Бонавентуры Вулканиуса и Каспара Бартиуса, — читатель, конечно, уже догадывается, — забрели сюда из сочинения Ганкия. Действительно, все это примечание с сокращениями извлечено из трех страниц последнего сочинения. Здесь, впрочем, находим мы, что г. Зернин высказывает и собственное мнение. Это такое замечательное явление в сочинении, состоящем из сплошных выписок, что мы спешим немедленно передать это мнение читателю, тем более, что у него, может быть, не достанет терпенья докопаться до него. «По моему мнению, — говорит г. Зернин, — все это дело (то есть, почему Константин называется Багрянородным) можно объяснить гораздо проще: Константину, рожденному до брака Льва с Зоею, нужно было название Багрянородного именно для

* Стр. 29, 67, 82, 96, 104 и 109.

** Стр. 59, 91 и 94.

*** Очерк, по собственному признанию автора, — *нехитрый*; мы думаем, что следовало бы приложить тот же эпитет и к объяснениям.

того, чтобы узаконить за ним права на престол, которых он, по рождению, не имел» (стр. 112). Объяснение, если хотите, и простое и мудреное: простое потому, что оно приводится просто, без всяких оснований и доказательств, мудреное потому, что трудно понять, каким образом одно название, как бы ни было оно громко, могло узаконить права на престол того, кто по рождению не имел этих прав. Весьма легкий способ узаконения прав! И для кого такой странный способ мог иметь силу? Для народа, которому известны были права Константина на престол, или для самих родителей Константина?.. Смеем думать, что такие побуждения не могли в то время никому входить в голову. Это образчик мнений г. Зернина. Остальные объяснения все выписаны из названных выше сочинений, да и то без всякого уменья, неполно и неверно.

Мы остановились на предисловии г. Зернина потому, что ведь собственно оно только и принадлежит ему. Вслед за тем вы вступаете в туманную область сплошных и механически приставленных друг к другу выписок из Феофанова продолжателя, Кедрина и двух мест из сочинений Константина Багрянородного. Мы должны познакомить читателя с характером этих выписок посредством извлечения двух-трех мест, после чего ясно представится и состав всего сочинения.

«Константин Багрянородный, — так начинает свое сочинение г. Зернин, — родился в сентябре 905 года. Патриарх Николай крестил его в самый праздник богоявления 906 года; восприемниками от купели были: родной брат императора Льва, Александр, и патриций Самона; в церемонии участвовала вся знать. Желая ознаменовать такое радостное событие в семействе делом благотворительности, Лев учредил богадельню для немощных стариков: заведение это названо было куфою. Мать Константина, Зоя, была уже четвертою супругою Льва; до самого рождения сына жил он с нею без венца; теперь же он изъявил желание вступить с нею в формальный брак. Но патриарх Николай был против такого союза, нарушавшего церковные правила, и не хотел дать своего благословения — по крайней мере до тех пор, пока не будет получено согласие из Рима и от прочих патриархов. Не дожидаясь, когда все это дело устроится законным порядком, Лев ввел Зою во дворец и провозгласил императрицею; обвенчал их священник, по имени Фома. Когда это сделалось гласным, то патриарх немедленно наложил на него запрещение, да и самому императору не велел входить в церковь. Такая строгость только раздражила Льва, не привыкшего к противоречиям. Подстрекаемый Самоною, этим приспешником во всяком беззаконии и всяком зле, он задумал недоброе дело и против самого патриарха. Первого февраля 906 г. потребовали его во дворец; здесь прежде всего стали заставлять его, чтобы он снял запрещение. Когда же Николай остался непреклонным, то его

тут же отправили в ссылку в Гиерию, и бедный принужден был итти пешком по глубокому снегу до самых Галакери», и т. д. *.

Все это составляет переложение Феофанова продолжателя на русский язык, не всегда точное, и в таком виде оно идет до окончательного присвоения себе власти Романом (41 стр. соч.), причем наш автор не замедлил присовокупить и следующее восклицание простодушного летописца: «Себя он (Роман) возвысил на первую степень под предлогом, что боится заговоров и самой смерти, могущей быть следствием их. О дела человеческие! а греха клятвопреступления не боится, ибо клялся, что никогда не будет добиваться стать на первую степень» **. «Что касается до внешнего положения Византии при Романа Лакапине, продолжает г. Зернин (стр. 41), то здесь, как и в прежнее время, на первом плане стояли болгарские отношения. *Взяв в основание византийские известия, мы можем представить их в следующем виде*». Не правда ли, после этой фразы вам тотчас представится, что автор по крайней мере внешнее положение Византии изложит систематически, после критического пересмотра и исследования всех относящихся сюда византийских писателей; ведь недаром же он сказал, что *в основание* своего изложения примет византийские известия. Тщетные ожидания, читатель. Г. Зернин упорно верен самому себе и продолжает неотступно переписывать Феофанова продолжателя, выпуская кое-что, по благоусмотрению. После известного вам восклицания, благочестивый византийский летописец тотчас же начинает рассказ о *внешнем положении* (выражение профессора; Феофанов продолжатель не

* Мы намерены только в этом случае, для образца, приложить латинский (для удобства печати) подстрочный перевод, напечатанный в боннском издании: «*Sustulit vero Leo ex Zoë, quarta uxore sua, filium Constantinum; in cuius ortu cometes apparuit; radios versus orientem ejaculans, diesque quadraginta ac noctes luxit. Infantem baptizavit Nicolaus patriarcha in magna ecclesia die sacro luminum (i. e. Epiphaniarum) susceptoribus ex sacro fonte Alexandro imperatoris germano et Samona patricio cuncu, que proceribus. Eodem tempore exstructa est et genum invalidorum domus, quam Cupham dicunt (в подлиннике вовсе не упоминается о цели, на которую указывает г. Зернин), inde expulsis meretricibus* (перевод этого выражения г. Зернину показался почему-то неприличным). *Benedictionem satro nuptiarum ritum Zoë uxore consecutus Leo a Thoma presbytero, qui ea ex causa officio motus est; quam etiam Leo augustam proclamavit. Eo facinore patriarcha ecclesiae ingressu Leoni interdixit; quam ob remis, a dextra parte transiens, ad Metatorium sese recipiebat. Samonas accubitor praeficitur, quod ad omne facinus ac malitiam imperatori adiutor esset; coeperuntque ambomoliri adversus ecclesiam (у г. Зернина только против патриарха). Vocato itaque Nicolao patriarcha prima februarii, ut reciperetur enixius, rogabant. Uti autem ejus expugnari animum dequiverant, a convivio ac epulis ex Bucoleone lintri impotentes in Hieriam traduxerunt; unde aegre pedes ad Calacrenos usque praeivium nimia copia venit, etc.*»

** Каков язык перевода! Последнее выражение переведено неверно. По смыслу подлинника, Роман клялся только в том что не *будет добиваться стать* (1) на первую степень *прежде* Константина (тойтоу *ἐμπροσθεν* illo spreto).

делает таких ученых различий) так: «Symeon vero adversus Romanos rursum arma movet; emissaque Bulgarorum manu» и т. д. — и идет длинная речь о набегах болгар и о действиях против них византийских императоров. Приведу здесь несколько строк переложения г. Зернина, чтобы показать, как рабски следует он простодушному рассказу Феофанова продолжателя, для которого, как современника, каждая мелочная подробность имела значение и была предметом общего внимания: «Сведав об их движении, Роман из опасения, чтобы они не сожгли дворец в Печах и не пробрались бы оттуда к Золотому Рогу, велел итти против них ректору Иоанну со Львом и Пофом Аргирами, дав им сильное войско, состоящее из гвардии, гетериев и рядовых (ταῦρατιχοῦ)*. Находился вместе с ними и Алексей Музел, патриций, друнгарий флота. Было это на пятой неделе великого поста. Войско расположилось в долине около Пег. Когда же болгары вдруг вышли из-за холмов и с оглушительным криком стремительно ударили на римлян, то Иоанн ректор первый бросился бежать и едва добрался до дромона. Бежал за ним и друнгарий Алексей, но спастись не успел, ибо второпях поскользнулся на всходе на дромону, упал в воду и утонул вместе с протомандатором» (стр. 42). Не правда ли, как все это идет к рассказу о жизни Константина Багрянородного? А такой перевод, загроможденный мелочными и ничтожными подробностями, только затемняющими и запутывающими главное содержание, идет до самого конца сочинения! Прочитавши все сочинение, вы тотчас почувствуете, что в вашей голове образовалась страшная путаница, хаос; вы сами себе не можете дать отчета, что тут главное: болгаре ли, византийские ли дела вообще, церковные ли в частности, личность ли Константина Багрянородного в особенности: не проскользнет нигде связующая общая мысль или хоть основной факт.

Переложение известий Феофанова продолжателя о нападениях болгар и о действиях против них полководцев Романа и самого Романа лично идет до 59-й стр. сочинения. Затем приводится несколько фактов, касающихся домашней жизни, благотворительности и благочестия Романа. И все эти факты, приводимые современником, страстным партизаном Романа, с благоговением и умилением взирающим на его личность, приняты на слово, без всякой проверки, и переводятся с подлинника с наивностью, образчик которой мы прилагаем здесь. «Между всеми монахами Роман особенно отличал Сергия, славившегося строго подвижничеством жизнью. Был этот Сергий брат магистра

* Переводить слово ταῦρατιχοῦ словом рядовой — нельзя. Неужели автору неизвестно, что рядовые могут быть и были в Византии и в гвардии, и в гетериях. Здесь под ταῦρατιχοῦ разумеется строевое туземное, византийское войско. Такими промахами испещрен весь перевод г. Зернина.

Космы, первого председателя в суде *. Он равно достиг и совершенства в добродетели, и совершенства в знаниях, притом в такой степени, что трудно было решить, что преобладало в нем: так ревностно упражнялся он и в том, и другом. Отличался он совестливостью, соединенною с мягкостью нрава и умеренностью суждений. Не скупил он бровей, как это делают обыкновенно так называемые ученые **, и никогда не являлся надменным и заносчивым. Речь его слаще меду лилась из уст его. В правилах он был тверд и постоянен; образ мыслей его был скромнен и проникнут смирением ***. Такого-то человека Роман имел при себе неотлучно для того, «чтобы с образом и правилами его жизни согласовать свою жизнь», и т. д. (стр. 63). И все это простодушное сказание современника г. Зернин повторяет от своего лица.

Наконец г. Зернин на 64 стр. покидает Феофанова продолжателя. «Так как из всех византийских писателей, говорит г. Зернин, только Кедрин с большою подробностью излагает обстоятельства свержения Романа, то мы и даем ему предпочтение даже над современными свидетелями, уклонившимися в религиозное сострадание и упустившими из виду сущность дела». Какая громкая и ученая фраза! Подумаешь, что пред г. Зерниным стояли целые ряды современных свидетелей, а не один только Феофанов продолжатель, как то оказывается несомненным из всего сочинения г. Зернина. Впрочем, сам г. Зернин в примечании (на стр. 69), как бы мимоходом, выражается уже прямо против пристрастия Феофанова продолжателя. Другое солнце взошло теперь для г. Зернина. Это солнце для него теперь — Кедрин. И как полюбил вдруг Кедрина наш автор. Мы уже заметили, что г. Зернин человек с увлечением и крайне положительный: он отдал предпочтение Кедрину за его большую подробность в изложении событий (автору, разумеется, нет нужды до истины событий)... Итак, с 65-й стр. начинается буквальное переложение рассказа Кедрина о свержении с престола Романа; переложение, отличающееся тою же запутанностью, беспорядочностью и тою же неточностью. Ни достоинства, ни недостатки самого рассказа не имеют, конечно, никакого отношения к нашему автору: ведь он только переводчик, и то не всегда точный.

* Это выражение взято из латинского перевода: *primi tribunalium praeſidis*; по-гречески просто: *τοῦ πρώτου τῶν χριστιανῶν*. И что значит первый председатель?

** Здесь г. Зернин в выноске замечает как будто от себя: «он (т. е. Сергей) был внуком патриарха Фотия». В подлиннике: «*fuit Sergius Photii patriarchae nepos*» (pag. 454).

*** В подлиннике: *κατὰ τοὺς νόμους σοφῶν*, как нынешние ученые. И здесь г. Зернин перевел с латинского перевода: *utimodo sapientibus comparatum est*.

Роман свержен с престола. Константин провозглашен императором. Как вы думаете, кого теперь избирает г. Зернин в свои вожди при изложении царствования Константина Багрянородного? Не угадаете... Опять Феофанова продолжателя. Вы скажете, что этот старый знакомый теперь, может быть, исправился; ведь Романа уже нет налицо, а на Константина он, может быть, смотрит иначе, беспристрастно. Нисколько! Г. Зернин сам говорит: «Описав падение Лакапинов и упомянув, как небесный гнев постигнул виновников их низвержения, неизвестный Феофанов продолжатель переходит к описанию действий и распоряжений Константина Багрянородного. Изображение его отличается самым неумеренным хвалебным тоном, так что походит более на панегирик, чем и уменьшает доверие к себе (здесь, как видите, уже нег пощады бедному византийцу). Похвалы, которые он расточает Константину, не только не нашли отголоска в других византийских писателях, но еще у Кедрина мы находим несколько таких известий, которые заставляют думать, что общее впечатление, какое оставил по себе Багрянородный, скорее было не в пользу его». И, тем не менее, автор заключает: «Но изложим сперва главные черты характеристики неизвестного Феофанова продолжателя в том виде, в каком она дошла до нас». И вот начинается опять буквальное переложение сказаний старого нашего знакомого, снова понадобившегося г. Зернину, и наполняется этим переложением целых 8 страниц. Кажется, опять послужил Феофанов продолжатель, — и между тем опять на него неудовольствие. «Таким хвалебным тоном, — заключает выписку г. Зернин, — отличается изложение и прочих деяний * Багрянородного у неизвестного Феофанова продолжателя», и т. д. (стр. 79). Потом буквально переводится весьма невыгодный, с примесью некоторой похвалы, отзыв Кедрина о Константине, занимающий две страницы сочинения (до 82). Вы, может быть, подумаете, читатель, что этот отзыв Кедрина приведет вас, наконец, на истинный путь в понимании личности Константина, и, конечно, обрадовались, что, наконец, отделались от скучного и однообразного панегирика Феофанова продолжателя. Напрасные ожидания, напрасная радость! Из переложения отрывка из истории Кедрина вы узнаете только, что «хотя сначала Константин обнаружил прекрасные свойства и все были уверены, что когда он сделается единовластным, то отлично будет управлять делами, однако он не оправдал выгодного о себе мнения и не сделал ничего такого, что соответствовало бы возлагаемым на него надеждам», — узнаете, что «он был неводержан, в делах важных

* Просим заметить, что для образца изложения Феофанова продолжателя переведено г. Зерниным слишком 7 страниц подлинника (то есть для того, чтобы сказать, что это не нужно). Осталось только 6 страниц до путешествия Константина на Олимп, с которого опять начинается перевод в сочинении.

судил легкомысленно, был неумолим и безжалостен в наказаниях за проступки, начальников назначал безразлично... Первому, попадавшемуся на глаза, вручал начальство над войском или гражданскую какую-нибудь власть без всякого предварительного испытания» и т. д. (стр. 80); узнаете из Кедрина также, что Константин «не совершенно был чужд похвальных деяний (1?), что он старался восстановить науки, заботился о ремеслах, рукодельях, был благочестив, щедр, что в выходах в храмы божии, установленных церковью, никогда не являлся празден и бесплоден перед лицом господа бога, всегда делал богатые приношения, какие только приличествовали христоробивому императору» (81—82). Не правда ли, что обе эти выписки из истории Кедрина, вставленные механически, вместе с предлинными выписками из Феофанова продолжателя, окончательно поставили вас в тупик относительно разумения характера Константина как государя и человека, что вы решительно не знаете, чему верить, множеству ли страниц выписок из Феофанова продолжателя, или двум страницам выписок из Кедрина. Судя по числу страниц, можно бы было отдать предпочтение первому, но г. Зернин отдает предпочтение последнему. Вы не знаете, что думать и о Константине, и об авторе жизни Константина. Ваше недоумение еще увеличивается, когда г. Зернин сознается на 82 стр.: *«из приведенных отзывов легко усмотреть, что мы не далеко бы ушли при разъяснении личности Константина Багрянородного, если бы нам пришлось ограничиться только ими»*. А между тем до сих пор г. Зернин, при разъяснении личности Константина Багрянородного, переписывал пока только тех же двух писателей, о которых теперь вдруг объявляет, что при разъяснении личности Константина с ними далеко не уйдешь!..

Однако, что же это? В разъяснении личности Константина Багрянородного мы в самом деле не далеко ушли; а нужно же как-нибудь покончить дело... и вот г. Зернин (уже за 27 страниц до конца своего сочинения) объявляет следующее: *«Но мы имеем сочинения Багрянородного»* *. Вы удивляетесь, читатель, недоумеваете, потому что знаете, что весьма трудно на основании сочинений Багрянородного обрисовать личность самого автора, — на основании сочинений, которые состоят из записи различных форм, обрядов, обычаев, установившихся издавна в деле управления государством и в совершении разных придворных церемоний... Вы уверены, что из них весьма трудно извлечь какое-либо понятие о нравственном значении личности Константина. Для вас такой способ характеристики кажется удивительным, страшным и даже невозможным. Г. Зернин сам, повидимому, знает это. Он замечает, что «Константин, заботясь о будущем

---

*. Здесь разумеются пока только два сочинения: «De ceremoniis aulae Byzantinae» и «De administrando imperio».

своего сына, Романа, передает ему такие наставления, которые были нужны для него как для римского императора, об условиях же, необходимых для нравственного совершенства его как человека, нет в них ни малейшего намека» (стр. 83), что «Константин увлечен был внешнею формою и не обращал внимания на внутреннее содержание» (стр. 92). «Поэтому (!) я и намерен, — говорит автор сочинения, — привести здесь главнейшие из него (сочинения Константина De administrando imperio) места». И вот опять начинается сплошное переложение двух мест из двух названных выше сочинений Багрянородного, занимающее в сочинении 11 страниц * (83—94). Здесь снова повторяется мысль, что из сочинений Константина нельзя извлечь идеи о личности их автора, что «холодным формализмом» отзываются и все прочие наставления, преподанные Багрянородным Роману» (стр. 94).

Наконец г. Зернин, уверивши читателя, единственно силою своего авторитета, что «на основании приведенных данных (?) нетрудно уже решить, какое значение в истории Византии осталось за Константином Багрянородным» (95), бегло, на 8-ми страницах, переводит из Феофанова продолжателя еще несколько рассказов о военных действиях в царствование Константина, в Италии и, Африке, о действиях известного Варды (единственно по Феофанову продолжателю!!!). Теперь читатель не может пожаловаться, что личность Константина недостаточно разъяснена, потому что в этом его окончательно убедил г. Зернин на 95-й странице.

Далее автор представляет описание самых грустных обстоятельств — болезни, смерти и погребения его героя (104—109 стр.).

* Обратим внимание читателей на неточность и неправильность начала перевода из сочинения «De ceremoniis», чтобы они могли судить о достоинстве всего перевода двух мест из двух сочинений Багрянородного.

Перевод г. Зернина.

От многих ты услышишь потребное тебе, но природа не вложит в тебя спасительных правил добродетели, если ты не услышишь об них от отца...

Нужнее же всего иметь разумную толковитость в ратном деле и в то же время знать древний мудрый порядок предков, который соблюдают они на войне и вообще, когда случались походы в присутствии самих императоров... (93 стр.)

Точный перевод.

От многих ты услышишь потребное тебе, но ты не внесешь в свою природу наставлений в добродетели, если не выслушаешь наилучших наставлений от отца...

Что же иное может быть необходимее военной храбрости (πολεμικῆς εὐτολμίας) и древнего благоустройства (εὐτάτης τας) предков, какое они собрали прежде в царских походах (τῶν βασιλικῶν ταξείων)... Г. Зернин перевел, как видно, с латинского перевода, где читаем: «Quid autem aliud quaeso, magis usu veniat et sit magis necessarium, quam strenuus et accer in bellis animus et vetus tus ille bonus et decorum ordo, quem nostri maiores in bellis etinregiis, si quae contingerent expeditionibus observabant.

Какие скорбные чувства наполняют душу нашего автора, стоящего у смертного одра Константина и у гробницы, *скрывающей царственное бездыханное тело!* (106). С каким умилением взирает он, вместе с Феофановым продолжателем, как «кроткого и щедрого Константина обступили невидимые сонмы святых и праведных иноков, мучеников и святителей и как он передал свою *святую* душу в их ангельские руки»; как обмывали тело усопшего и выставили в палате 19 аккубитов; как с ним прощались и как, *после третьего возгласа*, вынесли из дворца в церковь; как Василий Параклимен, по обычаю, обвинил его полотном и как, наконец, опустили его в ту же гробницу, в которой положен был Лев, отец его. Мир праху твоему, Константин, кроткий, щедрый, благочестивый, образцовый государь и человек, — по Феофанову продолжателю; невоздержанный, легкомысленный, неумолимый, безжалостный, не оправдавший никаких надежд современников, — по Кедрину, и нам вовсе неизвестный, — по сочинению г. Зернина!

Итак, читатель, вы теперь несколько ознакомились с сочинением о жизни Константина Багрянородного; вы теперь, вероятно, положительно убедились, что это сплошной перевод из сочинений трех византийских писателей, — работа весьма нехитрая; вы убедились, что самый перевод страдает весьма часто неточностью и заключает в себе весьма значительные искажения подлинника. Последнее обстоятельство легко объясняется, с одной стороны, слабым знакомством автора с внутреннею историею византийской империи, с духом своеобразного и оригинального быта народа, с другой — весьма недостаточным знанием языка памятников. И тому, и другому недостатку, разумеется, не мог помочь и латинский перевод, приложенный к боннскому изданию византийских писателей. Приведем здесь еще два-три места на выдержку из первых же двух открывшихся страниц (читатель поверит нам, если мы скажем, что мы и не хотели испытывать своего терпенья, просматривая весь перевод). На стр. 18: «Сами они до того забылись, что, вскочив с мест, бросились с *яростию* на подсудимого (патр. Николая), стали рвать его за бороду, толкать в шею, и *много еще непристойного позволяли они себе*, называя несчастного похитителем, блудником, *посягателем на замужних женщин*». В подлиннике (приводим подчеркнутые нами выражения) сказано: *ὡς περ ἀγρίεροι θήρες* — как дикие звери; *καὶ ἄλλαξ̄ βυυποιστορεξ̄ ποικίλας τούτω ἀπέφερον* — и другие невыносимые мучения наносили ему (в этом другой смысл); *ἐπεβάρτην̄ ἐποκαλοῦντες̄ καὶ μοιχόν, καὶ ἀλλοτρία ἐπιπδητὰ καὶ ὕψαια*! называя его насильвателем (это слово, по обыкновению, показалось неприличным г. Зернину), прелюбодеем, завладевшим чужою женою (здесь летописец, без сомнения, указывает на какой-либо частный факт, ложный или истинный, мы не знаем;

выражение же г. Зернина имеет общий, обширный, а следовательно, и совершенно неверный смысл). На стр. 19 слово κληρικός переведено причетник, совершенно неверно. Автор не знает, что это слово перешло к нам и теперь еще существует в народе в форме клирошан, под которыми разумеется весь духовный, церковный чин, даже с своею женскою половиною. Приведем здесь одно место из лексикона Дюканжа, в котором даже перечисляются лица и должности, сюда относящиеся; это место следовало знать г. Зернину: τοὺς τε πρεσβυτέρους καὶ διακόνους, καὶ ἀγαγῶνας, καὶ ψάλτας, οὓς πάντα κληρικοὺς καλοῦμεν, то есть пресвитеров, дяконов, чтецов и певчих, которых всех называем клириками. Novella 123, стр. 19. Дюканж, греческий лексикон под словом Κληρικός. На той же странице находим преувеличение смысла подлинника в характеристике императора Александра. У г. Зернина: «...не было в нем ни одной черты, которая хотя сколько-нибудь соответствовала бы царственному достоинству... Сделавшись полновластным, он остался тем же и показал, что решительно неспособен ни на одно, хоть сколько-нибудь возвышенное действие; нечем было ему оставить по себе добрую память». Следовало бы перевести: «и не сделал никакого царского дела (καὶ μηδὲν βασιλεὺς ἔργον διαπραξέσθαι) сделавшись единовластным (μονωτάτοζ), не сделал ничего благородного или достопамятного (οὐδὲν γυναιῶν ἢ λόγου αἰῶν κατεπράξατο) И здесь г. Зернин погрешил, следуя латинскому переводу, где также преувеличен смысл (nullum generosae indolis specimen edidit etc)... Здесь мы окончим сличение и не будем злоупотреблять терпением читателя. Такими неточностями и неправильностями отличается все переложение г. Зернина, так что даже в смысле сплошного перевода отдельных мест из трех византийских писателей сочинение не имеет никакого значения.

В конце рецензии мы обратим внимание читателя и на эпиграф к сочинению г. Зернина. Мы решительно не понимаем, какое отношение имеет выражение: «И рече царь: переключкала мя еси, Ольга» — к содержанию всего сочинения. По всему видно, что это выражение почтенного Нестора крепко понравилось нашему автору, но ни из чего и ни для кого не видно, для чего оно поставлено эпиграфом. Пора перестать шутить.